

Н. Неврев.

Петр I в иноземном наряде.

Ещё при жизни своей Пётр I был назван «Великим». Нам поэтому важно понять теперь, как это произошло и что означало, то есть какое величие (в чём?) имелось в виду. Войны свои Царь начал в 1695 г. походом на крепость Азов. Поход не удался, так как русские действовали только на суше, а с моря турки свободно снабжали Азов всем необходимым. Не так уж трудно было это предусмотреть. Но не предусмотрели. Тогда в спешном порядке в Воронеже была создана флотилия. И в 1696 г., обложив Азов с суши и с моря, Пётр Алексеевич им овладел. Идти на Крым, к Чёрному морю Царь не решился. Но мысль о создании сильного флота для действий на Белом и Балтийском морях им овладела. Нужно было построить 50 крупных, по западным образцам, кораблей, что требовало полмиллиона рублей (по тогдашним ценам!), при общем доходе казны в два миллиона рублей ежегодно.

Казна государства таких денег на флот выделить не могла. Решили взять средства с народа, обложив население обязанностью с каждых 10 тысяч светских дворов получить средства на один большой корабль, то же – с 8 тысяч дворов церковных, а горожане общими силами должны были выстроить 12 кораблей. Чтобы договориться, кому с кем складываться, вотчинники в Москве собрались, создавая «кумпанства». По возвращении из заграничного посольства Пётр I дождался заключения мира с Турцией, уступившей ему на время Азов, и в 1700 г. объявил войну Швеции. К этому его побудила договоренность с Саксонским Курфюрстом Августом II, ставшим к тому же и королём Польским, а также с Датским королём Христианом, которые были во вражде со Швецией. Всем союзникам думалось, что молодой Шведский король Карл XII – человек легкомысленный и противник слабый. Но все жестоко ошиблись! Карл XII оказался на редкость одарённым, дееспособным правителем и к тому же отличным военным. Он быстро заставил сложить оружие Данию, усмирил потом и Августа II, так что Россия осталась со Швецией один на один. Началась самая затяжная в истории Великороссии – Северная война. В ноябре 1700 г. под Нарвой русские войска (40 000 человек) были наголову разбиты Карлом XII-м. Однако, «увязнув» в Польше, где он действовал против Августа II, Шведский король дал русским быстро оправиться, собраться с новыми силами и нанести шведам ряд существенных поражений в Лифляндии, Эстляндии, у Финского залива. В Балтике русские вышли уже в 1703 г. в устье Невы, где в мае этого года была заложена Петропавловская крепость и город окрест неё – Питербурх (Санкт-Петербург). В Польше русские также действовали против шведов (здесь отличился Александр Данилович Меньшиков, под началом которого были все русские силы). А в Прибалтике армией русских командовал князь «фельдмаршал» Борис Петрович Шереметьев. К этому времени (после Нарвского поражения) Пётр I уже «переделал» Русскую армию по западному образцу. Взяли Ям, Копорье, а в 1704 г. – Дерпт (Юрьев, Тарту) и Нарву. На Ладогге, а затем на Неве быстро строили большие морские суда. Меж тем основные военные действия развивались пока на суше. В 1708 г. Карл XII, справившись полностью с Августом II, лишив его польской короны, которая была дана Станиславу Лещинскому, решил предпринять поход на Москву, опираясь на Малороссию. Увидев успехи Карла XII в Польше и полагая, что он победит и Петра, Малороссийский гетман Мазепа, изменив Москве, предался шведам, чтобы не разделить с Великороссией участь побеждённых. Мазепа и ввёл в заблуждение Карла, решившего, что с гетманом станет ему помогать и вся Малороссия. Оба они просчитались. Малороссийское казачество, давно тяготившееся своей «старшиной», и в целом Православный народ Украины, не желавший подчиняться ни полякам, ни шведам, но устремленный к единой верной Великороссии, никакой помощи армии Карла не оказали. Шведы на Украине в количестве около 40 тысяч ждали также помощи от своих: генерал Левенгаупт должен был привести в Малороссию ещё 16 тысяч войска и большой обоз с порохом и иными военными припасами. Пётр I не дал шведам соединиться. Под д. Лесной он напал на корпус Левенгаупта и разбил его. Карл XII остался без подкрепления и без пороха. Неизбежным становилось его поражение на чужой земле без поддержки и достаточных воинских сил. Напротив, у Петра I к этому сроку положение было на редкость выгодным. Он сумел быстро покончить с восстанием в Астрахани (1705 г.), долго, но успешно боролся (с 1705 по 1709 г.) с восстанием волжских

башкир и, наконец, в 1706 г. сумел жестоко подавить восстание казаков всего Дона (война Кондратия Булавина), навсегда покончив с относительной вольностью донских казаков и полностью подчинив их диктату государственной власти. Особенно война на Дону отвлекала большие военные силы Царя. Но к началу 1709 г. они оказались свободными, так что вся войсковая мощь могла теперь собраться против шведов. 27 июня 1709 г. произошла знаменитая Полтавская битва. У шведов было в ней 30 тысяч войска и действовали только 4 пушки (!). У Петра было 42 тысячи и работала вся артиллерия. В этой битве особенно обнаружилось нечто примечательное в военных делах тех времён. Между лагерем русских войск под Полтавой и сосредоточением шведов лежало сравнительно очень небольшое пространство пересечённой холмистой, поросшей кустарником и лесочками, местности. Ни той, ни другой стороне ничего не стоило в рассыпном строю через эти холмы и кустарники выйти в тыл неприятеля быстрым броском, неожиданно напасть и наверняка победить. Но нет, Пётр обращает войска, редуты и пушки совсем в другую сторону, в сторону открытого поля. Карл XII, в свою очередь, делая очень значительный крюк, выводит армию на это самое поле, чтобы, развернув её в стройных шеренгах и порядках атаковать русских в лоб, по неким «правилам» военного «искусства», под развёрнутыми знамёнами, с барабанным боем...

«Сумасброднейший, всепьянейший, всешутейший Собор», учрежденный Петром I.

Так войны XVIII-го столетия в значительной мере становятся некоей «игрой в солдатики», так что и самые эти солдатики наряжаются в причудливые красочные

мундиры, как бы для маскарада, или парада, но никак не для удобства ведения боя! Даже здесь, в военных делах, происходит какой-то театр со своими эффектными зрелищами – спектаклями. Так начинают и говорить: «театр военных действий»... Для шведов игра под Полтавой окончилась страшным поражением, а для русских – победой! Карлу XII (вместе с Мазепой) удалось бежать в Турецкие владения. Но могущество Швеции на суше было подорвано навсегда. Окрылённый этой «викторией», как теперь иногда стали называться победы, Пётр I в 1711 г., принял вызов Турецкой Империи, которую Карлу XII удалось склонить к войне против России. Пётр I быстро двинулся к Дунаю и вышел на Прут, повторяя такую же точно ошибку, какую пред тем допустил Карл XII, войдя в Малороссию. Пётр понадеялся на обещания Господарей Молдавии и Валахии помочь ему провиантом и всем необходимым, поверив их заверениям, что тут же русских поддержат общим восстанием против турок православные народы Балкан. Восстания не случилось, помощи от Господарей Пётр не получил и остался с 40 тысячами в окружении 200 тысячного турецкого войска. Вот как быстро сам Пётр, по пословице, «погорел, как швед под Полтавой!» Неминуемы были бы для Петра I плен и позор, если бы турки нежданно не согласились на просьбу испуганного Царя о мирных переговорах. Мир был заключён; по нему Россия снова лишилась Азова и прилегающих к нему земель. Гораздо слабее, чем Турция в Черноморском бассейне, была тогда Швеция в своих восточнобалтийских владениях, чем вполне и воспользовался Пётр I. После ряда успешных сражений на суше и на море, были взяты Финляндия, Карелия, Лифляндия с Ригой, Эстляндия с Ревелем и Нарвой, Ингрия. Карл XII в 1718 г. скончался в разгар переговоров с Россией о мире. Новая Шведская королева Ульрика Элеонора, ограниченная впрочем уже Сенатом, попыталась войну продолжать. Русские вторглись в Швецию, разорив её до Стокгольма, и вынудили вконец истощённого противника заключить 30 августа 1721 г. Ништатский мир, по которому почти всё завоёванное отходило к России, кроме Финляндии, возвращённой шведам. Длившаяся 21 год (!), Северная война была закончена. Россия получила то, что хотели иметь многие Русские Государи, – выход к Балтийскому морю. Уже созданный к тому времени Российский Сенат решил отметить победу исключительным, особенным торжеством. Пётр I приурочил его к знаменательной дате – 22 октября (4 ноября) 1721 г., когда празднуется Казанская икона Богородицы по случаю освобождения Москвы от поляков в 1612 г. ... В этот день Пётр I принял новый титул Императора, а Сенат наградил его званиями «Великий» и «Отец Отечества». Российское Царство объявлялось «Российской Империей».

К 1721 году Пётр I успел осуществить очень много реформ и различных нововведений в Великороссийскую жизнь, так что льстецы из Сената, а особенно – из ближайшего к Петру окружения называли его «Великим» по совокупности за всё, сотворённое им. И всё же совсем не случайно, что и званье «Великий» и невиданный ранее на Руси титул «Император» Пётр I получает, или лучше сказать, принимает сам на себя именно за победу в войне. Он и его окружение, а потом и всё российское «общество» видят величие России уже отнюдь не в святости, а во внешнем мирском могуществе. Этот духовный возврат к языческим представлениям о славе и величии государства соединяется с протестантскими взглядами на смысл жизни и деятельности

людей в их земном бытии и подхватывает древнюю идею «Третьего Рима», но лишь в значении древнеримском, языческом – имперской силы, богатства, мирского величия и внешнего процветания. Прямо отсюда, из этих идейно-духовных основ и происходят названия «император», «империя», и общий замысел новой столицы Санкт-Петербурга как нарочитой противоположности священной столице – Москве, и не только ей! Этот новый «град Петра» Пётр называл – «Парадиз». «Парадиз» в переводе с французского – Рай! Пётр знал, что Патриарх Никон называл свой Иверский монастырь «Раем мысленным», что образом Рая, Горнего Мира был его Новый Иерусалим. Пётр видел его. Поэтому название Петербурга «Раем» было отнюдь не случайным, но отражало представления Петра I о «райской жизни», умышленно противопоставленные Никоновским и вообще исконно русским представлениям. И что же за образ «Рая» получился по замыслам Петра? Образ земного могущества, земной славы и процветания, в соответствии с масонскими западными идеями. Петербург задумывается, а потом и осуществляется, воистину как некое подобие языческого имперского Рима! Даже главные, самые видные храмы Санкт-Петербурга, – это по внешнему виду уже не православные церкви, а языческие пантеоны, призванные показать образ земного величия государства при Петре; идея России как «Нового Иерусалима» исчезает совсем. Знаменательно и не случайно, что в том же самом 1721 году был издан долго готовившийся «Духовный регламент» и связанные с ним «высочайшие» указы, согласно которым в России официально упразднялось Патриаршество, заменяясь «духовной коллегией» (одной из двенадцати государственных) названной также Синодом («Святейшим» Синодом). Деяние это было главнейшим в той «религиозной реформе», которую Пётр I задумал по английскому образцу. Осуществить эту «реформу» в полной мере, как предлагали и учёные Оксфорда и английские «братья-каменщики» не удалось ни Петру, ни его преемникам.

В своей внутренней жизни Русская Церковь осталась свободной, то есть продолжала жить согласно древнейшим святым канонам и исконным русским обычаям, так как не было уничтожено главное – каноническое положение и права епископов в отношении их епархий, не изменялись ни вероучение, ни правила Православия. Хотя, конечно, лишение Патриаршего возглавления и гораздо более сильная, чем ранее, зависимость церковного руководства от государственной власти в делах судебных, хозяйственных, имущественных и некоторых иных имела самые плохие последствия не только для Церкви, – для всей Великороссийской жизни вообще. Услужливый, лживый до мозга костей, совершенно душою продажный прислужник Царя в церковных делах Псковский митрополит Феофан Прокопович, отличавшийся вместе с тем и большой внешней образованностью, составлял для Петра знаменитый «Духовный регламент». В нём Феофан главной причиной уничтожения Патриаршества называл угрозу того, что в случае разногласий между Царём и Патриархом невежественный народ может принять сторону последнего. Причина выглядит надуманной, потому что никогда разногласия между Царями и Патриархами, как мы помним, к народным смутам не приводили. Однако в действительности мысль Прокоповича вполне соответствовала жизни тогдашней России как раз потому, что Пётр I осуществлял во многих иных направлениях такую ломку исконной духовной жизни России, такое сознательное гонение на Святую Русь, с

которыми никакой настоящий Русский Патриарх и в его лице Церковь Великороссии согласиться, конечно же, не могли. Здесь дело грозило и впрямь обернуться не просто разладами и разногласиями, а гражданской войной, войной православных против Царя – безобразника и отступника, какового, ещё по слову Иосифа Волоцкого, несмотря на его легитимность (законность) «помазанность» не подобает ни чтить, ни слушаться. Впрочем, этот завет великого сторонника самодержавной власти в России во времена Петра основательно был забыт. Страх Императора перед Православным народом был настолько велик, что духовный регламент предусматривал обязанность священников доносить властям, если кто-либо на Исповеди сознается в государственных преступлениях или намерениях. Упразднилось святое – тайна Исповеди!

Как-то никто до сих пор не заметил, что Пётр I не только упразднил Патриаршество, лишив Церковь её относительной внешней самостоятельности, он вместе с тем и одновременно упразднил Православное Самодержавное Царство в России! Император – это уже не Царь, и Империя – это не Царство. Дело здесь далеко не в титулах и названиях. Они только знаменуют собой главное в разрушении великой России. Решительно отказавшись от «симфонии» и совета с властью церковной, власть императорская перестает быть Православной, а значит и Самодержавной (хотя ещё и называется так), а становится абсолютной монархией, в духе западного абсолютизма, или даже древнего фараонства или восточных деспотий и тиранств. Отныне Православие императоров – это, в сущности дело их личной совести. Официально и внешне они декларируют обязательность исповедания Православной Веры, но духовно в своих текущих деяниях, устремлениях, политике они отныне вольны или следовать Божиим заповедям и учению Церкви, или не следовать им; и никто им теперь не указ! Принцип Самодержавия на Руси (и в России), как мы видели, непременно предполагал «симфонию» (согласие) и совет царства и Церкви во всех как мирских, так и духовных важнейших делах, так как сама задача Великороссийского Самодержавия состояла в том, чтобы создавать, насколько возможно, в земном бытии условия всему обществу в целом двигаться к достижению Царства Небесного. При Петре I эта задача отбрасывается и упраздняется. Теперь главной целью императорской власти становится внешнее величие, слава, процветание, земное благополучие государства. В соответствии с этим важнейшей добродетелью подданных Российской Империи оказывается не Православное благочестие, не презрение к «миру сему», не молитвенность, не духовность, а способность приносить внешне видимую ощутимую пользу обществу и государству! Отсюда сразу же, при Петре, им самим резко меняется отношение власти к сердцу Православной Церкви – к монашеству и вообще к православному духовному подвигу. Пётр называет монахов «бездельниками» и «тунеядцами» и выражается так: «Говорят, – они молятся. Все молятся. Да что от того пользы?» Кажется, что так мог сказать исключительно атеист. Но нет, Пётр I атеистом не был. Он мыслил и говорил, как его «учителя» протестанты, а также – масоны. В 1689 г. он повелел сжечь на костре немца-еретика Квирина Кульмана (со сподвижником его Нордерманом). Кульман учил, что он духовидец, пророк, королевич и сын Сына Божия. Архиепископ Филарет (Гумилевский) полагает, что от Кульмана взяли начало русские секты хлыстов и происшедших от них скопцов. В 1716 г. после долгих проволочек Сенат

по указу Петра осудил ересь Дмитрия Тверитинова, Фомы Иванова и иных. Учение их было смесью протестантских воззрений и знакомых идей жидовствующих. Отказавшийся принести покаяние Фома Иванов был казнён. Соглашаясь признать (ради общественной пользы) важность защиты официальной Церкви, а так же определённых правил некоего «приличия» или «нравственности», или «морали» (в западном протестантском духе) Пётр совершенно не понимал духовных основ православного молитвенного подвига и делания. И не чувствовал силы молитвы, а потому и не ведал её воздействия на окружающий мир. Это, конечно, безбожие. Но пока – не идейное, не мировоззренческое, а психологическое и практическое. Ввергнув в него Великороссийское общество, Пётр не думал, что от такого безбожия – только шаг к безбожию, «философски оправданному», идейному, – к идейному атеизму. В связи со всем этим происходит в России перемена общественного идеала. Мы помним, что искони, до Петра, общепризнанным идеалом для всех, от крестьянина до Государя, был человек смирения, молитвы, чистой любви ко Христу и к людям, не привязанный к «миру сему», но стремящийся к Горнему Иерусалиму (каковой идеал ярче всего проявился в монахах – подвижниках и юродивых ради Христа). Теперь, начиная с Петра, в русском обществе поощряется и насаждается всей силою государственной власти совершенно иной идеал, – человека гордости, практических дел и способностей, могущего «постоять за себя», добиться успехов в миру, прославиться и славу добыть для Отечества, часто – любой ценой (а слава, как видим ценилась уже только внешняя, не духовная).

Дабы монашество не посмело и не смогло повлиять на народ и общественность в противоположном, то есть исконно российском духе, Пётр запрещает постригать в монашество дееспособных людей, но только – стариков, калек и различных убогих. Пётр также запрещает монахам иметь при себе в кельях письменные принадлежности и бумагу! Не очень ценил и совсем не понимал Пётр и иных благодатных церковных воздействий на жизнь. Так, после поражения под Нарвой, желая скорее создать хорошую артиллерию, Царь без церемоний приказывал снимать, сколько нужно будет, колокола с церковей и переливать их на пушки (так теперь понималась «польза Отечества»!). Всё это может казаться сущим гонением на Церковь и веру, но это не так. Как уже говорилось, Пётр атеистом не был. Он изредка мог читать в церкви на клиросе, мог довольно искренне молиться. Дня небесной «поддержки» новой своей столицы он самолично перевёз в неё мощи Благоверного Князя Александра Невского. Пётр чтит некоторые иконы, основывал церкви, благотворил ряду церквей и монастырей и настаивал на том, чтобы его почитали именно защитником и покровителем Православной Российской Церкви... Секрет такой двойственности поведения отчасти в том, что веру, Церковь, Православие и всё, что связано с жизнью духовной, с Богом, Пётр понимал и воспринимал по-протестантски и по-масонски! Отчасти же дело в таком же раздвоении личности, каким страдал «образец» Петра Иван IV Ужасный. В свою очередь это – от великой гордости, что в Царе сказывается стремлением подчинить себе всё и вся, не давая отчёт никому, утверждать себя в самодурствах и сознательных беззакониях. Большею частью в состоянии такого самоутверждения забот и сует о земном Пётр I пребывал. Но иногда он как бы спохватывался или пробуждался, обращаясь к чему-то в детстве усвоенному, – к молитве, к Церкви, к почитанию святых, даже к клиросному

чтению... Светлые эти моменты в жизни Петра были до крайности редки, но они всё же были!

Нет, не ведал Пётр, что творил! Сделав своё государство, Империю равнодушной к Святой Православной Вере и Церкви, он делал Великороссийский народ отчасти равнодушным к Империи, к государственной власти. Не сразу, конечно, но – постепенно, хотя именно в Русском народе всегда оставалось больше всего патриотов и тёплых молитвенников за Царя. Всё же для русских государство (даже монархия) самоцелью, святыней (истуканом и идолом) само по себе быть не может. Святым и духовно ценным может быть только государство действительно (а не декларативно) Православное! Чувствуя это и понимая, Пётр I стал воевать – не с религией, нет! А – с православным её исповеданием, состоявшим не только в вероучении и богослужении, но главное – в жизни, в быту, в привычках и свойствах мышления, в поведении, в понятиях добродетели, воздержания, скромности, совести и т. д..

Поэтому, сразу же по возвращении из-за границы в 1698 г. Пётр приступил к коренным переменам именно в этой области. Аристократии и дворянству предписано было непременно брить бороды и носить только западноевропейские платья. Бороды разрешались крестьянам и духовенству. Городские жители могли покупать право ношения бороды за деньги и тогда им давался особый «бородовой знак», избавлявший от наказания. Все дворянские дети обязаны были учиться не только чтению и письму, но и другим светским «свободным» и «точным» наукам. Необразованным из дворян не разрешалось вступать в брак и они не могли получить офицерского чина. Большая часть дворянских детей должны были служить в армии, начиная с простого солдата. Лишь одной трети из них разрешалось идти на государственную, светскую службу. Был создан «Табель о рангах», где было положено 14 степеней (рангов) как военных, так и гражданских, на которые могли восходить, по способностям, все поступавшие на военную или светскую службу, независимо от происхождения. То есть на службу в любое ведомство принимались не только дворяне, но все способные из простолюдинов, а также в большом количестве – иностранцы. Однако для родовитых семейств – князей и самых видных дворян Пётр I сделал одну очень существенную уступку, их дети могли поступать на службу в Преображенский и Семёновский полки; то есть в гвардию, привилегированную во многих отношениях. В этих полках, целиком по составу дворянских, при Петре сотни солдат (!) носили княжеские фамилии. Не удивительно, что иным из них доверялись подчас очень сложные, или «деликатные» поручения государственного значения. Так в знатных гвардейцах Пётр получал и преданных чиновников, исполнителей «высочайшей» воли. Это особое положение (и состав) Гвардии потом не раз возьмёт большое значение для судеб всего государства. В окружении Петра I и на высших должностях государства были и представители старой Московской знати (к примеру, князья Долгорукие, Голицыны, Репнины, Шереметьевы и другие). Были и рядовые дворяне (Апраксины, Головкины, Нарышкины, Толстые). Были также и новые люди «без роду и племени» (А. Д. Меньшиков, генерал-прокурор Сената

Ягужинский, дипломат Шафиров и другие). Были и иностранцы, которых, как правило, Пётр на самые высшие должности старался не допускать, хотя «жаловал» их во многом другом. Исключениями из правила стали, к примеру, Остерман, Брюс, Миних. Знать и дворянство обязаны были принимать участие в маскарадах, балах и иных «потехах». Учреждались знаменитые «ассамблеи» – также обязательные собрания дворян (по очереди в разных семействах), где они должны были танцевать европейские танцы, разговаривать на светские темы, осваивать правила европейского этикета и поведения «в обществе». В обстановке таких «ассамблей» непременно считалось наличие европейских картин или статуй, изображавших чаще всего обнажённые тела эллинских «богов» и «героев», или различные аллегорические фигуры. Так высшие, правящие сословия Великороссии нарочито, умышленно приобщались к неправославным и нерусским обычаям, нравам, образу мысли и жизни. Так и был начат известный раскол когда-то единого русского общества на дворянскую «образованную» (по-европейски!) интеллигенцию и народ, продолжавший жить в Православной Вере и исконных русских обычаях и нравах. С течением времён этот раскол углублялся, превращаясь в непроходимую пропасть, где одна сторона (интеллигенция) уже не могла понимать другую – свой народ, а он никак не мог понимать «образованную» интеллигенцию. По сути, по духу этим расколом Пётр I сделал то же самое, что делал Иван IV разделением России на Земщину и Опричнину. То, что не удалось тогда Ивану IV, теперь вполне удалось Петру I. Но эта «удача» таила в себе возможность крушения всей вообще государственности.

Совершенно точна строчка Марины Цветаевой о Петре I: «Родоначальник ты – Советов, ревнитель ассамблей!»... Из многих иных деяний Петра, направленных на разрушение устоев духовной жизни России, нужно отметить введение нового летосчисления на европейский манер (только от Рождества Христова) и празднование Нового Года не 1/14 сентября (начало индикта церковного новолетия), а 1-го января, как сугубо гражданского, не церковного, праздника, что началось с 1-го января 1700 г., а также – отмену церковно-славянского шрифта, порчу русского языка, и отмену церковных постов в армии. Пётр I сам разработал новую светскую азбуку (шрифт) для письма и печатания документов и книг нецерковного содержания (церковно-славянский язык и азбука сохранились только для книг и писаний церковных). В 1703 г. новой азбукой стала печататься первая российская газета в Москве («Ведомости о военных и иных делах»). Сам Петр I и его сподвижники выражаются ещё на естественном русском языке, сравнительно редко вводя в него западноевропейские слова. Но вскоре иностранные слова во множестве вставляются в русскую речь. Появляются вот такие «перлы» словесности: «Наталья Кирилловна была править некапабель. Лев Нарышкин делал всё без резона по бизарии своего гумора. Бояре остались без повоира и в консилие были только спекуляторами». С этих пор в России начинают действовать три языка: язык Церкви (церковно-славянский), язык образованных классов и обычный русский язык народа. В этом – тоже выражение величайшего духовного и культурного раскола, учинённого Петром в Великороссийском обществе. Язык – не просто средство общения, носитель информации. Он – отражение духовного состояния народа, чего-то самого-самого важного в нём! При этом язык не только отражает сие состояние, но и

влияет на него. Здесь взаимосвязь и взаимовлияние духовной жизни народа и её отражения в языке. Значит, испортить, или изменить язык – это, в значительной мере, испортить и изменить духовную жизнь (и наоборот), Пётр I эту взаимозависимость знал, потому и портил язык сознательно. А ведь великорусский язык – плод естественного развития на протяжении сотен лет (!) – величайшее, если не самое великое, достояние жизни народа, его неоценимое богатство, основа его культуры! В этой связи не случайным и немаловажным было упразднение Церковно-славянского написания букв и замена его, продуманным, искусственным светским, церковно-славянской азбука «кириллица» являлась единственной нитью, связующей в те времена мирскую светскую письменность с Церковью. Пётр I эту нить, эту связь оборвал, знаменуя и этим разрыв России, которую он созидал, с Россией, сложившейся до него... Здесь тоже какое-то богоборчество.

В ряду со всем этим стоит и отмена церковных постов в войсках. Никакой действительной необходимостью это не вызывалось. Определённые послабления постов для служилых воинов с благословения Церкви делались и ранее. Имея в виду особые телесные тяготы жизни и службы, в XVII в. Церковь разрешала вкушение рыбы воинам и крестьянам даже Великим постом. Совершенно же посты никогда не отменялись, что ничуть не мешало русскому воинству в ратных делах во всей предыдущей истории. Отмена Петром I постов в войсках – это подрыв благочестия воинов, как бы указание на то, что в них отныне ценится не духовная, а только телесная сила! Правда потом, вопреки Петру I, благодаря благочестию самих русских солдат из народа, военному духовенству и таким полководцам как А. В. Суворов, в Русской армии сохраняется и возрождается приоритет силы духа, веры и благочестия над силой внешней, телесной. Однако деяние Петра по отмене постов демонстрирует обществу, всей России презрение государства к духовным, церковным устоям жизни народа.

В то же время, при Петре I, полагается начало тому крепостному праву, которое надолго становится позором и болезнью России. До Петра на Руси искони крестьяне не только государственные, но и помещичьи не были лишены прав, находились под защитой законов, то есть никогда не бывали холопами или рабами, собственностью господ! Известные нам уже меры ограничения и, наконец, запрещения своевольного ухода крестьян, или перехода их от одного господина к другому, были мерами прикрепления русских крестьян к земле (а не к господам!) с целью сохранить земледелие в центральных землях Великороссии, удержав в них самих земледельцев, работоспособных крестьян. Но у русских помещиков были всегда и холопы, люди, попавшие в полную зависимость от господ, заложившие себя за долги, или беглые, или иные, скрывавшиеся от преследований. Постепенно (не сразу) помещики стали и этих холопов наделять своей (не общинной!) землёй, заставляя трудиться на ней ради увеличения господских доходов, каковые тогда в основном состояли в продуктах земледелия. Пётр I, вводя новый порядок налогообложения – подушную подать (с человека), а не с участка земли («с сохи») и не со «двора» из нескольких семей, как до

него было, обложил этой подушной податью и холопов, уравнивая тем самым их с крестьянами. С этих пор господа постепенно стали смотреть и на лично свободных крестьян, как на холопов, то есть как на свою собственность. Вскоре, при Екатерине II это было уже узаконено, так что Императрица называла крестьян «рабами», чего никогда на Руси не бывало!

Император преобразовал совершенно армию, можно сказать, – создал новую, по западным образцам, с рекрутским набором (по одному рекруту с 20-ти дворов) и безсрочной службой, отлично её вооружив. Создал он и совсем на Руси не бывавший первоклассный военный флот. Также по западным образцам Пётр расформировал управление государством и власть на местах. Вместо приказов учреждались 12 «коллегий», ведавших разными областями политической и хозяйственной жизни страны. Они подчинялись Сенату, утверждавшему их решения и законы, как будто правительству, но, оказывается, только «правительствующему». И верховным правителем и «правительством» Пётр I видел только себя и лично вникал в дела и Сената и всех коллегий. В каждой коллегии, в том числе и в церковной (в Синоде) была должность обер-прокурора («государева ока»), следившего за течением дел. Но, кроме того, во всех ведомствах учреждалась «фискальная служба». Фискалы должны были тайно следить за чиновниками всех уровней и вовремя доносить на них высшей власти.

Особыми указами Царя в Россию приглашались иностранцы – специалисты самых разных наук, ремёсел, искусств. Исключение составляли только евреи, о которых Пётр говорил: «Я хочу видеть у себя лучше народов магометанской, или языческой веры, нежели жидов. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложая, не будет для них в России ни жилища, ни торговли, сколько о том ни стараются, и как ближних ко мне ни подкупают».

Пётр всячески поощрял торговлю, предпринимательство и промышленность, нередко устраивая заводы и мануфактуры за государственный счёт, а затем отдавая их во владение частным хозяевам. Император держался политики протекционизма и меркантилизма, когда поощряется более вывоз товаров, чем ввоз, дабы обогатить государство звонкой монетой. Исходя из понятия о пользе Отечества, Пётр I всячески поощрял развитие прикладных наук и различных ремёсел. Но понимал и значение фундаментальных наук (разумеется, прежде всего – «естественных»). Пётр разработал и подготовил проект Академии наук по западным образцам, с привлечением европейских учёных, которые уже обучали представителей молодёжи «свободным» наукам. Свободным, спрашивается, – от чего? От веры и Церкви. Вот так-то! Сие как раз то, что советовал ещё Лжедмитрию I-му Римский папа...

Сбывались мечтания Запада! Россия, а точнее образованная часть ее без боя как бы сдавалась ему, делаясь с ним заодно по устройству, культуре, по основным устремлениям, образу мысли, по духу... И приводил её к такому братанию с тем, что всегда было чуждо Руси и просто даже погубительно, её собственный Царь (!). Впрочем, – не Царь, а теперь уже «Император»... Известны слова о том, что Пётр «прорубил окно в Европу». Да нет же! Он «прорубил окно» в Россию для Европы, а лучше сказать отворил врата крепости души Великороссии для вторжения в неё враждебных духовных сил «темного Запада». Многие деяния этого реформатора, например, строительство флота, строительство Санкт-Петербурга, первых мануфактур, сопровождались неоправданными жестокостями и безжалостным обращением со своим же народом. Об этом историки, славящие Петра, или не говорят, или говорят лишь вскользь и притом с оправданием, дабы не лишиться своего кумира ореола «Отца Отечества» и званья «Великого». Для Отечества Пётр I «отцом» был таким же, как для родного своего сына Царевича Алексея, которого он приказал умертвить, в сущности только за то, что Алексей не согласен был с пагубным для Отечества реформаторством своего отца (о чём мы ещё скажем). Значит, любил Пётр I совсем не Россию и заботился не о славе её. Он любил свою собственную идею о преобразовании России и славу успехов именно этой идеи, а не Родины, не народа такого, каким он тогда был, особенно в лучшем и высшем своём состоянии – в состоянии Святой Руси.

Одержимость Петра идеями, пагубными для Великороссийской души и жизни, нельзя объяснить только его увлечённостью всем европейским. Здесь сказалась его посвящённость в учения зла, которую он добровольно принял на Западе. Так ненавидеть самое ценное и главное в Великороссии – православные духовные основания её многовековой жизни, мог только такой человек, который стал по духу не русским. Поэтому, если мы заметили ранее, что при Петре монархия перестала быть Православной и Самодержавной, то теперь нужно сказать, что во многом она перестала быть Русской или Великороссийской. Потом мы увидим, как революционер-большевик и кровавый тиран Сталин чтит Петра I и Ивана IV. Только эти два Самодержца в советское время почитались у коммунистов – борцов против самодержавия... Теперь нам понятно, за что почитались – за антихристову и антирусскую сущность своих деяний и преобразований!

Исследователи и ругающие и хвалящие Петра I, тем не менее, единодушны в одном: те преобразования в армии, флоте, государственном управлении, промышленности и т.п., которые были полезны России, можно было вполне провести (даже с использованием западных образцов) без нарушения, тем паче – без ломки коренных духовных, культурных устоев жизни Великороссии, как сложились они до Петра. Поэтому, когда говорят, что деянья Петра можно разделить на «вредные» и «полезные», то следует возразить: полезность им сделанного потонула во вредном. Ведь в голову никому не придет хвалить добрый напиток, если в нём растворён смертоносный яд.

Вспомним, однако теперь, что в общей направленности своих антирусских деяний Пётр был не первым и не одиноким. Он лишь ярче всего отражал в себе разделение души всей Великороссии, о чём мы уже говорили. Император Пётр I обеспечил решительную победу той части народа и «общества», которая всё более откровенно стремилась к Западу, прочь от Востока, если под ним понимать «Восток свыше», «Солнце правды», «Свет разума», то есть Христа. Это было самой большой «викторией» Петра I за которую только он и может быть с печальным сарказмом назван «Великим». Всё же остальное гораздо менее славно и значительно, чем деяния многих предшествовавших Государей, таких как, к примеру, Иван III (вот уж кто достоин был бы именоваться Великим) и некоторых последующих.